

А. П. Лопухин

**Библейская история при свете новейших
исследований и открытий**

Ветхий Завет. Том 1. Часть 2

А11 **А. П. Лопухин**
Библейская история при свете новейших исследований и открытий: Ветхий Завет. Том 1. Часть 2 / А. П. Лопухин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 476 с.

ISBN 978-5-519-11332-8

Одна из самых значительных попыток исторической реконструкции событий, описанных в библейских текстах.

Довольно большая часть страниц Библии посвящена описанию различных исторических событий. Часть из этих событий по-прежнему сохраняет легендарный статус, однако следует отметить, что многие исторические сведения, изложенные в Библии, были успешно подтверждены археологическими находками и другими результатами научных исследований. «Вследствие тех поистине чудесных открытий, которые в нашем веке делаются на забытом пепелище былой исторической жизни древних народов Востока, библейская история чрезвычайно обогатилась в своих научных ресурсах». Эти слова принадлежат выдающемуся русскому библеисту Александру Павловичу Лопухину (1852-1904) и взяты из предисловия к его фундаментальнейшему исследованию «Библейская история при свете новейших исследований и открытий», первый том которого я хотел бы предложить сегодня Вашему вниманию.

Грандиозный по своему охвату и подобранному материалу курс библейской истории А. П. Лопухина основан на огромной массе фактов древней истории человечества, на научном анализе и осмыслении библейских текстов. До Лопухина библейская история излагалась в русских богословских сочинениях как история религии по Библии. Лопухин предпринял в рассматриваемой книге попытку взглянуть на библейскую историю как на историю общества во всех её проявлениях: в религиозном, нравственном, социально-экономическом и политическом. Лопухин в своем труде стремился показать «историческое значение изложенных в Библии фактов», т. е. то, что рассказы Библии имеют под собой реальную историческую основу, а не являются всего лишь некими благочестивыми мифами. Как точно заметил Лопухин: «Хотя богодухновенные авторы не ставили своей целью в библейском повествовании раскрывать научные истины или писать всеобщую историю, но и при отсутствии этой цели сообщенные св. писателями в общедоступной, ненаучной форме истины и исторические факты в том и проявляют свою богодухновенность, что они находятся в полнейшем согласии с наиболее достоверными научными открытиями как в области природы, так и истории».

Издание содержит более 600 политипажей, снимков с древних памятников, ландшафтов и картин восточной жизни.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

зомъ Промысль направилъ житейскую корзинку ребенка къ историческому величію и всемірной славѣ. Когда младенецъ подросъ, царица взяла его къ себѣ во дворець, официально усыновила его и дала ему имя Моисей, «потому что, говорила она, я изъ воды вынула его» ¹⁾).

Памятники въ значительной степени подтверждаютъ это библейское повѣствованіе. Судя по свободнымъ дѣйствіямъ этой дочери фараона, нужно предполагать, что она пользовалась особеннымъ вліяніемъ на фараона, а тотъ фактъ, что она впослѣдствіи посвятила своего усыновленнаго найденыша изъ презираемаго еврейскаго народа «во всю мудрость египетскую», нарушивъ такимъ образомъ ревниво соблюдаемую жрецами ихъ кастовую привилегію, показываетъ, что она въ то время пользовалась уже полновластнымъ вліяніемъ на фараона. На основаніи памятниковъ съ удовлетворительностью можетъ быть показано, что во всей линіи фараоновъ, начиная съ третьей династіи, когда впервые входитъ въ употребленіе это названіе, до персидскаго завоеванія, на протяженіи болѣе чѣмъ шестнадцати столѣтій извѣстна только одна самостоятельно управлявшая страной царица. Ея имя на памятникахъ встрѣчается въ полной формѣ, именно Хат-асу-Нумпт-амунъ, и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ его нужно ожидать по библейскому повѣствованію, въ качествѣ правнучки царя, который не зналъ Іосифа. Царица Хат-асу на памятникахъ постоянно изображается съ бородою, въ знакъ того, что она была полновластной царицей, подобно нашей напр. Екатеринѣ Великой, которую она близко напоминаетъ по своей судьбѣ и по характеру. Она воздвигла два обелиска въ Оивахъ въ память своего отца, и изъ нихъ одинъ еще стоитъ, а отъ другаго обломки разбросаны кругомъ. Сохранившійся обелискъ, второй по величинѣ и навѣрно самый красивый въ мірѣ, высѣченъ изъ цѣльной скалы краснаго гранита, тщательно полированъ и покрытъ рельефами и іероглифами необыкновенной красоты. Надпись на немъ показываетъ, что онъ начатъ былъ въ пятнадцатый годъ правленія царицы Хат-асу и законченъ въ семнадцатый. На каждой сторонѣ обелиска значится, что она царствовала «во имя своего отца». Въ надписяхъ она величается разными титулами: «царственная жена», «царица Верхняго и Нижняго Египта», и среди этихъ титуловъ встрѣчается также ея извѣстный библейскій титулъ: «дочь фараона». Между ею и ея сводными братьями, изъ

¹⁾ Исх. II, 10. Іосифъ Флавій производитъ это имя отъ коптскихъ словъ *мо*—вода и *усе*—спасенный. Несомнѣнно, что это гебранзирванная форма египетскаго имени, и первоначальная египетская форма его, по мнѣнію большинства ученыхъ, есть *Месу*, которое часто встрѣчается на египетскихъ памятникахъ и греческими писателями передается какъ *Мосисъ*. Александрійскіе переводчики, очевидно, держались производства Флавія и передаютъ это имя какъ *Μωσῆς*. Быть можетъ царица при нареченіи имени мальчику имѣла въ виду почтить память своего отца, въ имени котораго Тот-месь или по греческому написанію *Тот-Мосисъ* слышится имя Моисей. Спеціальное изслѣдованіе этого вопроса см. у О. Г. Елеонскаго въ его диссертации „Исторія израильскаго народа въ Египтѣ“. Спб. 1884 г., стр. 222—230.

которыхъ первый былъ и ея мужемъ, существовала какая-то непримиримая вражда, коренившаяся въ самой ихъ природѣ. Они противоположны были даже по внѣшности. Въ то время, какъ черты лица царицы Хат-асу обнаруживаютъ изящныя и правильныя линіи греческаго типа, въ лицѣ ея своднаго брата Тотмеса III, какъ можно видѣть на его бюстѣ, находящемся въ Британскомъ музеѣ, явно выступаютъ отталкивающія черты негритянскаго типа. Таковъ быть можетъ былъ и ея мужъ, о которомъ извѣстно очень мало и уцѣлѣли лишь слабыя слѣды на памятникахъ.

Перенесенный изъ убогаго жилища своего отца во дворецъ царевны, Моисей воспитанъ былъ по египетскому обычаю. Какъ ребенокъ онъ вѣроятно, подобно другимъ египетскимъ мальчикамъ, ходилъ безъ всякихъ одеждъ, съ бритою головой, исключая одного локона, спускавшагося на одну сторону головы. У него много было прислужниковъ, его тщательно и деликатно кормили, держали до изысканности чисто и научали изысканнымъ манерамъ высшаго круга. Большая часть его жизни проходила при дворѣ. Онъ по преимуществу находился въ отдѣленіяхъ своей матери, которыя, вѣроятно, составляли часть царской резиденціи и несомнѣнно обставлены были со всевозможною роскошью. Ходили за нимъ сначала, конечно, служанки царевны; но съ теченіемъ времени приглашены были и учителя, и началось его воспитаніе въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Но воспитаніе, въ сущности, начинается раньше, чѣмъ обученіе. Складъ и особенность характера часто образуется и всегда подвергается сильнѣе всего вліянію раннихъ окружающихъ ребенка обстоятельствъ, которыя несознательно образуютъ его душу и вырабатываютъ въ немъ тѣ или другія наклонности. Виды и звуки, представлявшіеся намъ въ дѣтствѣ, глубоко западаютъ въ душу и составляютъ тотъ основной слой, на которомъ впослѣдствіи создается вся личность человѣка. Что же окружало юнаго Моисея, когда онъ жилъ съ своею царственною матерью въ ея отдѣленіи царскаго дворца? Есть основаніе думать, что дворъ въ это время значительную часть года проводилъ въ Мемфисѣ. Положеніе и внѣшній видъ Мемфиса уже описаны были выше. Моисей могъ видѣть съ террасъ царской резиденціи, куда его брали для наслажденія прохладнымъ сѣвернымъ вѣтеркомъ въ лѣтніе вечера, весь великій городъ Фта, разстлавшійся предъ нимъ во всемъ богатствѣ своихъ архитектурныхъ украшеній, со всѣмъ своимъ населеніемъ, во всемъ неустанномъ движеніи его торговли и промышленности, удовольствій и религіи. Шумныя толпы непрестанно проходили по его улицамъ и площадямъ; тяжело нагруженныя суда двигались вверхъ и внизъ по величественной рѣкѣ; ярко разрисованныя паруса ихъ отражались въ спокойныхъ затокахъ рѣки; лодки стрѣлой мчались по всѣмъ направленіямъ; тамъ и здѣсь процессіи съ высоко поднятыми священными ящиками двигались въ оградахъ храмовъ или по улицамъ города; въ воздухѣ раздавалась музыка, смѣшиваемая съ выкриками всякаго рода со стороны кучеровъ, продавцевъ товаровъ и лодочниковъ. Сквозь оранжевую синеву западнаго неба въ рѣзкихъ очертаніяхъ

вырисовывались пурпурныя формы трехъ великихъ пирамидъ, величественныхъ памятниковъ, гробницъ могущественныхъ царей, стоявшихъ въ качествѣ часовыхъ на краю той широкой пустынной полосы, гдѣ прекращалась всякая жизнь и начиналось царство смерти. Обширность окружающей сцены несомнѣнно должна была сильно возбуждать въ каждомъ умномъ мальчикѣ чувства благоговѣнія, удивленія и таинственности; жизнь и движеніе въ городѣ возбуждали любопытство и желаніе дѣйствовать самому; противоположность между оживленнымъ городомъ и безмолвіемъ западной пустыни должна была пробуждать глубокія мысли и даже задавать только что пробуждающемуся уму великую загадку бытія.

По мѣрѣ возрастанія мальчика, его знакомство съ Мемфисомъ и кипѣвшею въ его стѣнахъ жизнью должно было увеличиваться. Онъ получилъ возможность бывать и на улицахъ, вѣроятно во время прогулокъ въ колесницѣ, и тамъ онъ могъ уже вблизи видѣть движущуюся толпу, которую онъ доселѣ созерцалъ только издали. По временамъ ему позволялось и прокатиться на лодкѣ по рѣкѣ. Его брали въ великій храмъ Фта и показывали таинственныя фигуры на стѣнахъ, таинственныя іероглифическія письма, покрывающія почти все пространство, свободное отъ фигуръ; онъ видѣлъ также широкіе дворы и великолѣпные корридоры храмовъ, и внутри ихъ спокойный образъ Озириса, а быть можетъ также и грубый, отвратительный образъ Фта. На дворахъ храма ему могли встрѣчаться двигавшіяся съ пѣніемъ въ честь Фта и Ра процессіи жрецовъ, одѣтыхъ въ льняныя или хлопчатобумажныя одежды и носящихъ сандаліи изъ папируса. Онъ могъ также видѣть, какъ жрецы приносили жертвы и возносили молитвы, совершая возліанія надъ изображеніями, или возносили предъ ними куренія въ честь ихъ. По временамъ встрѣчалъ онъ также и священнаго быка, Аписа, какъ онъ назывался, когда его въ торжественной процессіи водили по главнымъ улицамъ города, чтобы дать возможность видѣть его жителямъ, которые, выходя изъ своихъ домовъ, поклонялись этому воплощенію бога Фта. Египетская религія отличалась необычайною общественностью и старалась повсюду и всегда представляться глазамъ народа, возбуждая его вниманіе. Величественнѣйшими зданіями были храмы; вслѣдъ за царемъ самыми почитаемыми личностями были жрецы; религіозные праздники, соединявшіеся съ большими собраніями народа и длинными процессіями, были многочисленны; въ нихъ участвовали мужчины, женщины и даже дѣти. Моисей навѣрно уже рано познакомился съ внѣшнимъ характеромъ по крайней мѣрѣ египетскаго богослуженія, и ему навѣрно нерѣдко приходилось присутствовать при возмутительныхъ обрядахъ египетскаго идолослуженія.

Но въ ранней жизни Моисея въ Мемфисѣ были и другія стороны болѣе нѣжнаго свойства. Невозможно предполагать, чтобы дочь фараона, нанявъ его мать кормить его грудью, сразу же, по его усыновленіи, порвала всякую связь между своимъ усыновленнымъ ребенкомъ и ея собственнымъ царственнымъ семействомъ.

Царевна конечно не заявляла, какъ воображаетъ Филонъ ¹⁾, что онъ дѣйстви- тельно былъ ея сынъ. Его еврейское происхожденіе было извѣстно какъ ему самому (Исх. xi, 11), такъ и египтянамъ ²⁾. Отсюда можно заключить, что связь между Моисеемъ и его семействомъ продолжалась и послѣ того, какъ онъ сдѣлался обитателемъ царской резиденціи, и что время отъ времени ему позволя- лось видѣть своихъ родныхъ, или имъ позволялось приходиться и видѣть его во дворцѣ. Такъ какъ Іохаведа считалась кормилицей Моисея, то ей, конечно, позволялась нѣкоторая фамиліарность, совершенно сообразная съ понятіями и обы- чаями востока. Поэтому можно думать, что Моисей отчасти находился подъ вліяніемъ царевны и двора, а отчасти подъ вліяніемъ своихъ родныхъ отца и матери, своихъ брата и сестры, и это въ теченіе всего періода своего ранняго пребы- ванія въ Египтѣ. Его сношеніе съ своимъ семействомъ было въ высшей степени важно именно въ отношеніи его религіозныхъ убѣжденій и его сочувствія къ своимъ единоплеменникамъ. Еслибы не это обстоятельство, то онъ естественно былъ бы вполне воспитанъ въ египетской религіи и сдѣлался бы идолопоклонникомъ; онъ вѣроятно мало бы заботился о своихъ братьяхъ, даже еслибы и не стыдился при- знавать ихъ таковыми. Въ виду же указаннаго обстоятельства, начала патриар- хальной религіи глубоко напечатлѣлись на его душѣ, когда онъ былъ еще ребен- комъ, и онъ выросъ твердымъ приверженцемъ единобожія, человѣкомъ, который вѣровалъ въ обѣтованія, данныя Аврааму, Исааку и Іакову, и презиралъ идоловъ и идолопоклонство. Соприкасаясь съ своими единоплеменниками, онъ также чув- ствовалъ скорбь при видѣ ихъ страданій и надѣялся, что со временемъ судьба ихъ можетъ измѣниться къ лучшему. Въмѣсто того, чтобы всецѣло превратиться въ египтянина, онъ былъ только на половину египтянинъ. Въ глубинѣ его души сохранилась основа тѣхъ чисто еврейскихъ чувствъ и еврейскаго воспитанія, ко- торыя дали ему возможность впоследствии стать вождемъ своего народа. Да и до- вѣріе послѣдняго никогда бы не пробудилось къ человѣку, который бы вполне воспитанъ былъ въ средѣ и въ духѣ его угнетателей.

По свидѣтельству І. Флавія, когда Моисей былъ еще ребенкомъ, онъ избѣгъ еще одной опасности, такой же великой, какъ и та, которая угрожала ему въ дѣтствѣ. Дочь фараонова по временамъ брала своего усыновленнаго сына въ помѣщеніе своего отца, желая показать ему красоту и умъ ребенка, а быть можетъ и съ надеж- дою склонить его назначить ребенка своимъ преемникомъ. Однажды она передала свое сокровище въ руки фараона съ маленькою рѣчью, въ которой обращала вниманіе своего отца на его болѣе чѣмъ человѣческую красоту, его высокій и благородный духъ, въ то же самое время открывая и честолюбивыя надежды, которыя она осмѣливалась лелѣять касательно его. Монархъ, желая сдѣлать ей пріятное выра-

¹⁾ Vita Mosis, v. i, p. 83.

²⁾ І. Флавій, Antiq. II, 9, § 7.

женіемъ готовности исполнить ея просьбу, снялъ корону съ своей головы и надѣлъ ее на голову ребенка; но ребенокъ, какбы испугавшись этого, вырвался изъ его объятій, снялъ корону, чтобы посмотрѣть ее, и затѣмъ, положивъ ее на полъ, сталъ на нее ногами и пытался удержаться на ней. Здѣсь случился священный писецъ, который за нѣсколько времени до рожденія Моисея предсказывалъ, что долженъ былъ родиться еврейскій ребенокъ, который сокрушитъ силу Египта, и видя, что сдѣлалъ этотъ ребенокъ, вскричалъ громкимъ голосомъ и сказалъ: «вотъ, о царь, тотъ ребенокъ, котораго боги повелѣли намъ убить ради нашей собственной безопасности. Смотри, какъ онъ подтверждаетъ пророчество,—онъ ниспровергаетъ твое верховенство и попираетъ твою корону своими ногами. Убей же его! и пусть египтяне перестанутъ томиться страхомъ, а евреи—возбуждаться своими надеждами». Царевна, услышавъ эту рѣчь, бросилась къ ребенку, и схвативъ его, выбѣжала съ нимъ вонъ. Царь не захотѣлъ послѣдовать совѣту писца; и такимъ образомъ Моисей избѣгъ этой второй опасности ¹⁾).

Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ подобныхъ разсказахъ признается, что Моисей отличался необычайною красотою не только въ дѣтствѣ, но и въ отрочествѣ и въ юности. Филонъ разсказываетъ, что внѣшность его была вмѣстѣ прекрасна и благородна, исполнена скромности и въ то же время высокаго достоинства ²⁾. I. Флавій говоритъ, что не было такого человѣка, который бы при видѣ этого ребенка не поражался его необычайною красотою. Когда онъ проходилъ по улицамъ, то всѣ, при встрѣчѣ съ нимъ, невольно оглядывались на него, рабочіе люди оставляли свои занятія и долго смотрѣли на него ³⁾. Разсказывается, что онъ также былъ весьма высокъ ростомъ для своего возраста, чрезвычайно уменъ, силенъ и способенъ къ самой выносливой работѣ. Что касается его ума, то онъ былъ необычайный и обнаруживался во всемъ, что только останавливало на себѣ его вниманіе. Всѣмъ невольно думалось, что въ этомъ ребенкѣ заключается нѣчто болѣе, чѣмъ человѣческое; и въ то время, какъ у израильтянъ невольно зарождалась надежда, заставлявшая ихъ видѣть въ Моисеѣ залогъ исполненія данныхъ имъ нѣкогда великихъ обѣтованій, египтяне съ другой стороны смотрѣли на него вообще подозрительно, какъ на человѣка, котораго имъ придется опасаться, когда онъ достигнетъ возмужалости.

Какъ сынъ дочери фараона, Моисей естественно получилъ во всей полнотѣ то воспитаніе и образованіе, которыя были въ обычаѣ въ Египтѣ. Воспитаніе это раздѣлялось на физическое и духовное. Въ первомъ отношеніи египтяне обращали весьма большое вниманіе, и для развитія тѣла у нихъ въ большемъ ходу была гимнастика или атлетика. Однимъ изъ главныхъ видовъ ея была борьба. На па-

¹⁾ Antiq. II, 9, § 7.

²⁾ Vita Mosis. p. 83.

³⁾ Antiq. II, 9, § 6.

мятникахъ борцы изображаются во всевозможныхъ позахъ, какъ они приготовляются къ борьбѣ, схватываются между собой, перевиваются и стараются повалить другъ друга на землю, продолжая борьбу даже и на землѣ. «Двое борющихся», говорятъ Вилкинсонъ, «обыкновенно приближались другъ къ другу, держа свои руки въ наклоненномъ положеніи предъ тѣломъ, и каждый старался схватить своего противника какъ можно удобнѣе для того, чтобы повалить его. По правиламъ борьбы, позволялось одинаково схватить за всякую часть тѣла, за голову, шею или ноги; и борьба часто продолжалась еще на землѣ послѣ того, какъ одинъ или оба они упали. Такой способъ борьбы извѣстенъ былъ и у грековъ, у которыхъ онъ назывался «анаклинопаліей». Неизвѣстно, былъ ли у нихъ тотъ же знакъ признанія своего пораженія въ этой борьбѣ, какъ у грековъ, именно чрезъ поднятіе пальца въ знакъ признанія пораженія; у египтянъ, вѣроятно, это дѣлалось словесно»¹⁾. Другимъ упражненіемъ была борьба палками. Лѣвая рука защищалась своего рода щитомъ, которымъ она закрывалась отъ кисти до локтя и которымъ такимъ образомъ можно было пользоваться для отвращенія ударовъ. Правая рука имѣла также свою защиту въ видѣ особаго ящика, закрывавшаго суставы. При этомъ палки употреблялись короткія, не болѣе 30 дюймовъ длины. Сражающіеся не имѣли никакой защиты для головы кромѣ парика, обыкновенно носившагося людьми болѣе или менѣе богатыхъ классовъ; но однимъ изъ правилъ игры, вѣроятно, было то, что никто изъ сражающихся не могъ ударить своего противника по головѣ. Затѣмъ весьма любимымъ удовольствіемъ въ Египтѣ была игра въ мячъ, особенно среди женщинъ. Она состояла, повидимому, въ простомъ бросаніи мячика и схватываніи его. По этому предмету Вилкинсонъ говоритъ, что игра въ мячъ не ограничивалась дѣтми или тѣмъ или другимъ возрастомъ, хотя простое наслажденіе бросаніемъ и схватываніемъ мяча, повидимому, считалось болѣе принадлежностью женскаго пола. У нихъ были различные способы игры. Иногда лицо, не имѣвшее успѣха въ схватываніи мяча, обязано было возить на своей спинѣ другаго, который продолжалъ наслаждаться этимъ положеніемъ, пока онъ, въ свою очередь, не ронялъ мяча, бросавшагося съ противоположной стороны, гдѣ происходила та же самая сцена, и притомъ съ разстоянія, предварительно условленнаго играющими. Иногда играющіе показывали свое искусство въ схватываніи трехъ или даже большаго числа мячей послѣдовательно и притомъ руками, скрещенными на груди; но извѣстенъ былъ также и обычай простаго подбрасыванія вверхъ и схватыванія. У нихъ также была игра, которой занимались, по описанію Гомера, Галій и Лаодама предъ Алкиноемъ²⁾ и которая состояла въ томъ, что одинъ изъ играющихъ бросалъ мячъ такъ высоко, какъ только могъ, а другой, вспрыгнувъ, долженъ былъ схватить его на лету, прежде чѣмъ ноги его опять коснулись пола³⁾.

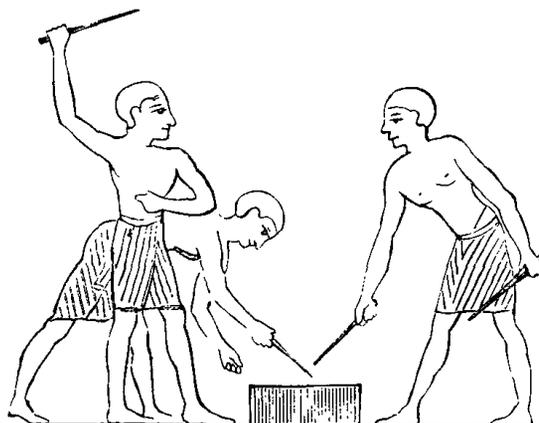
¹⁾ Ancient Egyptians, изд. 1878, vol. II, pp. 72, 73.

²⁾ Одиссея, IX.

³⁾ Wilkinson, Ancient Egyptians, vol. II, p. 67.

Но была еще игра, въ которой особенно требовались сила и ловкость, и она состояла въ томъ, что два противника соперничали между собою въ бросаніи ножей или кинжаловъ, направляемыхъ въ обрубокъ дерева; соперничество состояло въ томъ, чтобы возможно точнѣе ударить въ центръ или край извѣстной цѣли, какъ условливалось раньше. Была также игра, гдѣ требовалось особое испытаніе силы, и она состояла въ поднятіи большихъ мѣшковъ съ пескомъ и бросаніи ихъ черезъ голову. Побѣдителемъ считался тотъ, кто могъ бросить такъ самый тяжелый мѣшокъ.

Эти и подобныя игры были самыми обычными удовольствіями дѣтей и юношей въ Египтѣ и считались какъ полезными для здоровья, такъ и пріятнымъ развлеченіемъ для души. Моисей, конечно, долженъ былъ принимать участіе въ та-

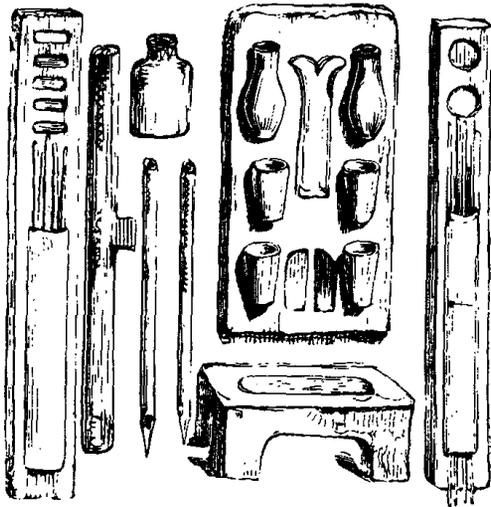
Игроки (съ египетскаго памятника).

кихъ упражненіяхъ, и что онъ дѣйствительно участвовалъ въ нихъ, это подтверждается Филономъ, который говоритъ, что онъ скоро получилъ отвращеніе къ подобнымъ удовольствіямъ ¹⁾ и обнаружилъ превосходство надъ остальными дѣтьми, предпочитая болѣе серьезныя занятія. Можно однако же сомнѣваться въ достоверности этого свидѣтельства, такъ какъ Филонъ, повидимому, въ своей «Жизни Моисея» скорѣе руководился своимъ собственнымъ мнѣніемъ о томъ, какъ долженъ бы вести себя въ юности совершенный человѣкъ, чѣмъ передавалъ какое-нибудь египетское или іудейское преданіе объ этомъ предметѣ. Филонъ вообще склоненъ былъ къ аскетизму и ему естественно хотѣлось показать, что и великій законодатель его народа держался тѣхъ же самыхъ воззрѣній; но по крайней мѣрѣ сомнительно, имѣлъ ли онъ при этомъ въ виду какое либо болѣе или менѣе достоверное преданіе. Моисей, несомнѣнно, уже въ юности обнаруживалъ серьезное расположеніе въ своемъ характерѣ, но его египетскіе воспитатели должны были считать воспитаніе его тѣла едва ли менѣе необходимымъ, чѣмъ воспитаніе его души, и несомнѣнно заботились о томъ, чтобы онъ прошелъ обычный курсъ гимнастическихъ упражненій, и чтобы его тѣлесная крѣпость была такъ же развита, какъ и у другихъ его сверстниковъ.

Рядомъ даже съ самымъ раннимъ физическимъ воспитаніемъ естественно шло и образованіе, направлявшееся къ развитію ума. Подобно другимъ дѣтямъ, Моисей долженъ былъ учиться читать и писать. Въ Египтѣ эти познанія пріобрѣтались не легко. Египтяне въ это время имѣли два рода письма: одинъ, извѣстный

¹⁾ Vita Mosis, p. 83.

грекамъ подъ названіемъ іероглифическаго, и другой — подъ названіемъ іератическаго. Въ іероглифическомъ членораздѣльные звуки представлялись изображеніемъ предметовъ, которые выражали иногда буквы, иногда слоги, иногда цѣлыя слова, а иногда и цѣлыя понятія. Число подобныхъ знаковъ было весьма большое, вѣ-

Письменные принадлежности (съ египетскаго памятника).

роятно не менѣе тысячи. Нѣкоторые изъ нихъ выражали нѣсколько звуковъ, причемъ одинъ и тотъ же звукъ иногда выражался нѣсколькими символами. Изучить египетскій алфавитъ было почти такъ же трудно, какъ изучить китайскій, и для этого требовалось по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ, если только не нѣсколько лѣтъ. Для того, чтобы читать, необходимо было знать не только то, какое значеніе имѣлъ каждый символъ, но и какое изъ нѣсколькихъ значеній онъ могъ имѣть въ томъ именно сочетаніи, въ которомъ появлялся этотъ символъ. Писать было еще труднѣе; потому что, такъ какъ всѣ знаки представляли собою предметы, то для того,

чтобы писать, необходимо было умѣть рисовать множество предметовъ съ отчетливостью и тщательностью. Самыми обыкновенными буквами были орелъ, означавшій *a*, сова — означавшая *m*, курица — выражавшая *u*, утка — выражавшая *ca*, ястребъ — означавшій *gar* и коршунъ — означавшій *mut*. Іероглифическій писецъ, чтобы быть понятымъ, долженъ былъ тщательно обозначать, какая именно разумѣлась птица изъ всѣхъ этихъ; и дѣйствительно, въ іероглифическомъ письмѣ были также и другія, какъ ласточка и ибисъ. Часто приходилось также рисовать различныхъ животныхъ, какъ левъ, дикій козель, быкъ, крокодилъ, шакалъ и заяцъ. Отсюда для того, чтобы писать по египетски, требовалось полное воспитаніе въ искусствѣ. Нѣкоторое воспитаніе этого рода требовалось отъ всѣхъ, но отъ тѣхъ, кто долженъ былъ получить лучшее образованіе, требовалось еще больше; отъ нихъ требовалось, чтобы они рисовали превосходно, начертывая каждую птицу, животное, насѣкомое и цвѣтокъ твердою и увѣренною рукою, быстро и красиво. Во времена Моисея у египтянъ еще неизвѣстна была другая форма письма, которую было бы легче изучить. Іератическое письмо было своего рода скорописью, основанною на іероглифическомъ письмѣ, и едва ли изучалось или читалось помимо послѣдняго. Входило ли изученіе его въ общую систему образованія — неизвѣстно. Но если такъ, то трудъ учащагося лишь немного облегчался чрезъ это, потому что іератическія формы не менѣе многочисленны, чѣмъ и іероглифическія, и во многихъ случаяхъ такъ похожи одна на другую, что приводятъ къ постоянному смѣшенію, сбивающему читателя.

Не смотря на замкнутость египтянъ во времена Моисея, въ египетскихъ школахъ изучались и иностранные языки, кромѣ египетскаго. Документы писцовъ этого времени не только показываютъ своею точною передачею семитическихъ словъ, что писатели знакомы были съ тѣми чужеземными звуками, которые они писали, но и болѣе того: въ это время, и особенно позднѣе, считалось даже модой вводить семитическія слова въ египетскій языкъ. Какъ всѣ образованные римляне во времена Цицерона изучали греческій языкъ, такъ и во времена Моисея всѣ образованные египтяне должны были быть знакомы съ семитическимъ діалектомъ, который, если не вполне еврейскій, во всякомъ случаѣ былъ родственнѣйшимъ съ нимъ. Если такъ, то Моисей въ этомъ отношеніи имѣлъ больше преимуществъ надъ своими египетскими сверстниками, такъ какъ еврейскій языкъ былъ его роднымъ языкомъ, которымъ онъ началъ говорить раньше, чѣмъ его мать отдала его назадъ дочери фараона, и онъ употреблялъ его въ своихъ сношеніяхъ съ членами своего семейства.

Послѣ чтенія и письма или вѣрнѣе совмѣстно съ ними, прежде чѣмъ они изучены были въ совершенствѣ, изучалась и ариметика. Знаніе счисленія до известной степени требовалось для обыденныхъ потребностей жизни. Египтяне были хорошими ариеметистами. Они именно изобрѣли знаки, которые мы называемъ арабскими и которые мы еще употребляемъ и теперь для обозначенія первыхъ четырехъ цифръ. Счисленіе они доводили по крайней мѣрѣ до миллионѣ; наша таблица умноженія, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, египетскаго происхожденія ¹⁾. Они умѣли производить счисленіе не только цѣлыми числами, но и дробями, для чего имѣли особыя таблицы, при помощи которыхъ вычисленія производились безъ затрудненія. Высшія ариеметическія дѣйствія, вѣроятно, имъ не были известны, и можно подозрѣвать, что они, занимаясь мистическими разсужденіями о значеніи и особенностяхъ отдѣльныхъ чиселъ, вдавались при этомъ въ чисто-фантастическія соображенія, не приводившія ни къ какому полезному результату.

Игра на арфѣ (съ египетскаго памятника).

По свидѣтельству Филона, въ планъ воспитанія Моисея, между прочимъ, входило и изученіе музыки, какъ вокальной, такъ и инструментальной, гармоніи и

¹⁾ Wilkinson, Ancient Egyptians, v. II, p. 492.

ритма. Что израильтяне имѣли уже нѣкоторыя музыкальныя познанія, когда они оставили Египетъ, видно изъ того обстоятельства, что, по переходѣ Чермнаго моря, сестра Моисея, Маріамъ, и другія женщины прославляли свое спасеніе пѣснями и музыкой. Что Моисей изучалъ гармонію и ритмъ, это очевидно какъ изъ его пѣсни въ XV главѣ книги Исходъ, такъ и изъ великолѣпнаго псалма, занимающаго большую часть xxxii главы книги Второзаконія. Отсюда нѣтъ основанія подвергать сомнѣнію свидѣтельство Филона, которое онъ могъ получить изъ какого-нибудь преданія или быть можетъ вывести изъ общаго плана образованія среди древнихъ египтянъ. Музыка несомнѣнно была извѣстна въ Египтѣ съ самаго отдаленнаго времени. Въ древнихъ гробницахъ, близъ пирамидъ, вѣроятно относящихся ко времени ихъ построенія, мы видимъ труппы въ пять, шесть и даже восемь человекъ, изъ нихъ одни поютъ, а другіе играютъ на различныхъ инструментахъ. Арфа, лира, флейта, двойная труба, гитара и тамбуринъ весьма часто встрѣчаются въ египетскихъ изображеніяхъ. До насъ не дошло никакихъ египетскихъ музыкальных партитуръ; поэтому и невозможно сказать, какого рода была ихъ музыка; но, вѣроятно, въ этомъ отношеніи она немного отличалась отъ нашей собственной музыки.

Знакомство Моисея съ искусствомъ стихосложенія, обнаруживающемся въ его собственныхъ произведеніяхъ, несомнѣнно главнымъ образомъ заимствовано было имъ изъ изученія египетской поэзіи. Египтяне были чрезвычайно большіе любители пѣсенъ. Почти всѣ рабочіе пѣли при своихъ работахъ; и при собираніи винограда, и во время жатвы были въ ходу особенно любимыя мелодіи, которыя раздавались въ воздухѣ по полямъ, въ сельскихъ округахъ, и вѣроятно были знакомы каждому. Эпическими поэмами прославлялись подвиги царей; лирическія пѣсни составлялись во славу боговъ; похоронные гимны пѣлись при погребеніи, а веселыя пѣсни раздавались на праздникахъ. Изъ свидѣтельства Филона мы можемъ заключать, что изученіе стихосложенія, въ качествѣ особой науки, входило въ общій кругъ воспитанія мальчиковъ, которые посвящались въ таинства различныхъ египетскихъ метровъ, какъ посвящаются и современные намъ мальчики въ способы новѣйшаго стихосложенія.

Первоначальное воспитаніе Моисея, конечно, происходило при дворѣ, подъ надзоромъ особаго педагога или воспитателя, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи различныхъ учителей; но съ наступленіемъ возмужалости онъ, какъ можно думать съ несомнѣнностью, былъ отправленъ въ одинъ изъ двухъ большихъ университетовъ древняго Египта. Безъ этого онъ отнюдь не могъ бы изучить всю мудрость египетскую (Дѣян. vii, 22) и вообще его образованіе было бы незаконченнымъ и несообразнымъ съ его положеніемъ. Главными сѣдалищами высшаго образованія въ это время были Иліополь и Ирмополь: одинъ на восточной сторонѣ Дельты, въ 30 верстахъ къ сѣверу отъ Мемфиса, а другой въ низменной Нильской долинѣ, на полпути между Мемфисомъ и Оивами. Преданіе говоритъ, что Моисей воспиты-